

А.В. Федоров

Романтический психологизм

Романтизм, как и сентиментализм, противопоставит классицистическому культу разума, считая, что «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Но если главным противоядием рассудочной ограниченности сентименталист читает чувство, то романтик-максималист идет дальше. На смену чувству является страсть — не столько человеческая, сколько сверхчеловеческая, неуправляемая и стихийная. Она возвышает героя над обыденностью и соединяет его с мирозданием; она открывает читателю мотивы его поступков, а нередко ановится оправданием его преступлений:

Никто не создан целиком из зла,
И в Конраде благая страсть жила...

Однако если байроновский Корсар способен на глубокое чувство вопреки преступности своей натуры, то Клод Фролло из Собора Парижской Богоматери В. Гюго становится преступником из-за безумной страсти, разрушающей героя. Такое «амбивалентное» понимание страсти — в светском (сильное чувство) и духовном (страдание, мучение) контексте характерно для романтизма, и если первое значение предполагает культ любви как открытия Божественного в человеке, то второе напрямую связано с дьявольским соблазном и духовным падением. К примеру, главному герою повести Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» при помощи чудесного сна-предупреждения дается возможность осознать преступность и гибельность своей страсти к замужней женщине: «Это гаданье открыло мне глаза, ослепленные страстью; обманутый муж, обольщенная супруга, разорванное, опозоренное супружество и, почему знать, может, кровавая месть мне или от меня — вот следствия безумной любви моей!!»

Романтический психологизм основан на стремлении показать внутреннюю закономерность слов и деяний героя, на первый взгляд необъяснимых и странных. Их обусловленность открывается не столько через социальные условия формирования характера (как это будет в реализме), сколько через столкновение надмирных сил добра и зла, поле битвы которых — сердце человека (эта мысль звучит в романе Гофмана «Эликсиры сатаны»).

«Характерная для романтического художественного метода типизация через исключительное и абсолютное отразила новое понимание человека как малой вселенной... особое внимание романтиков к индивидуальности, к человеческой душе как сгустку противоречивых мыслей, страстей, желаний — отсюда развитие принципа романтического психологизма. Романтики видят в душе человека соединение двух полюсов — “ангела” и “зверя” (В. Гюго), отмечая однозначность классицистической типизации через “характеры”» (В. Луков).

Таким образом, человек в романтической концепции мира включен в «вертикальный контекст» бытия как его важнейшая и неотъемлемая часть. От личного выбора зависит вселенское status quo. Отсюда — величайшая ответственность личности не только за действия, но и за слова, и даже за мысли. Тема преступления и наказания в романтическом варианте приобрела особую остроту: «Ничто в свете... ничто не забывается и не исчезает» (В.Ф. Одоевский. «Импровизатор»). За грехи предков будут расплачиваться потомки, и неискупленная вина станет для них родовым проклятием, которое определяет трагическую судьбу героев «Замка Отранто» Г. Уолпола, «Страшной мести» Н.В. Гоголя, «Упыря» А.К. Толстого...